дати сподоблени, яко же святая сия".[1] Здесь выражена самая суть культа Бориса и Глеба: служить укреплению „покорения" младших князей старшим, служить примером для всех князей-современников. „Мы же ни мало имам покорения к старейшинам, нъ овогда прекый глаголем им, овъгда же укаряем я, многажды же супротивимся им",[2] — обращается Нестор ко всем современникам. Князья должны покоряться старшему князю, все прочие — „старейшинам"; такова идея „Чтения".

Борис и Глеб — „земля Русьскыя забрала", они „обоюдоостры меч", направленный и против „дерзости" поганской и против „дияволя шатания в земли".[3] Последнее — это междоусобные раздоры князей. Борис и Глеб — избавители Руси от „усобичьныя брани", так говорит о них автор „Сказания". Сравнение Бориса и Глеба с обоюдоострым мечом с поразительной точностью определяет политическую функцию их культа, политическую функцию идеи единства Руси: она двойная — укрепление феодальной иерархии способствует внешнему могуществу Руси и внутренней силе феодального строя.

„Похвала" Борису и Глебу XII века так наставляет русских князей: „Сима поревнуйте, сих образ приимете, сима накажитеся. Аще сатана ввержеть вражду межу братиею и друзи, и вы помянете сию святою Бориса и Глеба, яко паче смерть възлюбиста прияти, нежели вражду деръжати. И пакость кто деeть, дияволу угодие творить".[4] Далее „Похвала" приводит в пример всем русским князьям внука Ярослава Мудрого — Давыда Святославича.

Давыд Святославич Черниговский был „князь старейший в братии своей", он никогда не преступал крестного целования, никого „не прибидел" — даже тех князей, которые „кривину к нему творяаше". За это свое примерное поведение по отношению к своим вассалам он был награжден с такой щедростью, которой не знает обычно агиография. Когда он умирал, расступился верх храмины его, и на глазах у ужаснувшихся людей влетел „голубь бел", сел князю на „честныя его перси" и „сягну носом в уста" — вынул из него душу. Вечером над черниговским Спасом явилась звезда, и, когда тело князя понесли к церкви Бориса и Глеба, звезда пошла над ним и стала над церковью Бориса и Глеба. Мало этого — само солнце остановилось на небе и не зашло до тех пор, пока князя не похоронили. В таких сильных образах пропагандировал автор „Похвалы" идеи вассалитета-сюзеренитета.

Политическая тенденция культа Бориса и Глеба ясна: укрепить государственное единство Руси на основе строгого выполнения феодальных обязательств младших князей по отношению к старшим и старших по отношению к младшим. Все князья — братья, но братья старшие и младшие. Первые обязаны блюсти последних, последние покоряться первым. Таковы основы идеи „братолюбия" литературы о Борисе и Глебе. Это „братолюбие", следовательно, выступает как идея неравенства князей, как идея необходимости покоряться старшим и блюсти интересы младших. Характерно при этом, что последняя сторона пропагандируется в культе Бориса и Глеба даже энергичнее, чем первая: упрек „Житий" Бориса и Глеба адресован старшему брату (Святополку) за нарушение своих обязанностей по отношению к младшим князьям.

---

[1] Жития Бориса и Глеба, стр. 25.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 49.
[4] Там же, стр. 129.